

Проблемы трансформации рентно-сырьевой модели российской экономики

В статье оцениваются подходы и обосновываются предложения по модернизации рентно-сырьевой экономики России. По мнению автора, особое внимание следует уделять системно-рациональному освоению территориального пространства страны на базе неоиндустриализации, связывающей прогрессивные технологии с традиционными секторами экономики. Базой для модернизации должен быть сырьевой сектор экономики, что требует коррекции налоговой системы в направлении переориентации финансовых потоков с офшоров на развитие отечественной индустрии, подъем сельского хозяйства, социальной сферы; условием — минимизация возможностей рентоориентированного поведения хозяйствующих и политических субъектов.

Ключевые слова: модернизация, деиндустриализация, рентно-сырьевая экономика, интеграция, регион, диверсификация, рентные доходы, налоги.

(Окончание, начало см. № 2)

Часть 2. Предложения по диверсификации рентно-сырьевой экономики России

Среди специалистов преобладают две точки зрения на промышленный потенциал современной России. Согласно первой, промышленность России, за небольшим исключением, неконкурентоспособна и делать на нее ставку нерационально. «Россия вошла в мировой рынок как страна, добывающая и экспортирующая продукты первого передела (минеральное сырье), поэтому переход на экспорт продуктов второго и последующего переделов будет длительным, капиталоемким и далеко не всегда оправданным с экономической и политической точек зрения», считает С. Кимельман [13].

Вторая точка зрения такова, что промышленные структуры — это «становой хребет» национальной экономики и в чрезвычайных ситуациях (а сегодняшнее положение дел в промышленности, определенно, можно отнести к их числу) государство должно обеспечить им необходимую помощь и поддержку. Вся экономическая история свидетельствует, что национальным государственным интересам соответствует экономическая политика, направленная на создание преференциальных условий для развития *обрабатывающей промышленности*, с потребностями которой связаны все основные достижения НТП, и которая сама выступает основой модернизации других сфер экономики, роста уровня жизни общества. Еще в XVIII в. Д. Юм писал об окружном пути повышения эффективности сельского хозяйства — через развитие обрабатывающей промышленности. Эта мысль верна

Л. Н. Даниленко,
к. э. н., доцент,
кафедра финансов и кредита,
Псковский государственный университет
e-mail: daniluda@rambler.ru

и сегодня, в том числе, и для отраслей, связанных с добычей и переработкой энергосырьевых ресурсов.

Диверсификация экономики — это не краткосрочная задача, это длительный процесс, носящий стратегический характер. Среди экспертов нет единого мнения касательно того, что здесь нужно делать, тем более что инструменты и мероприятия, успешные в одной стране, приводят к провалам в другом государстве. Называется ряд стратегий, теоретически способных обеспечить диверсификацию сырьевой экономики и устранение экономических перекосов, вызванных присвоением природной ренты: прямые инвестиции в избранные несырьевые отрасли; инвестиции в инфраструктуру и сферу образования в интересах развития всех несырьевых отраслей; развитие финансовой системы, как посредника по привлечению средств, вырученных от реализации сырьевых продуктов, во все отрасли экономики; формирование фондов национального благосостояния для аккумулирования сверхдоходов от продажи углеводородов и устранения макроэкономической волатильности.

Как варианты диверсификации сырьевой экономики, эксперты выделяют вертикальную и горизонтальную промышленную политику. *Вертикальная* политика предполагает установление благоприятного режима функционирования (через снижение налогов, предоставление субсидий, государственные инвестиции, защиту от иностранной конкуренции и др.) для конкретных отраслей промышленности, прямо не связанных с добычей ресурсов. Мероприятия в рамках *горизонтальной* политики создают стимулы для

диверсификации «без упора на конкретные сектора, путем повышения доходности частных инвестиций в физический и человеческий капитал во всех отраслях экономики» [8]. Данный набор мер включает в себя усиление защиты прав собственности, развитие систем образования, здравоохранения, инфраструктурного обеспечения т. п.

Практика показывает, что в условиях слабых институтов реализация мер вертикальной политики не дает хороших результатов и создает дополнительные возможности для извлечения ренты, предоставляя регулятору (чиновникам) свободу действий [17]. И хотя в условиях ресурсного богатства и слабости институтов, мероприятия горизонтальной политики также сложно реализовать, предпочтение все же следует отдать этому варианту диверсификации.

При выборе приоритетов политики диверсификации упор следует делать не только на ключевые направления, связанные с формированием нового технологического уклада (био- и нанотехнологии, высокоскоростные транспортные системы, информационные сети, космические технологии и пр.), но учитывать фактическое место страны в современном международном разделении труда. Сегодня значительная часть отечественной промышленности связана с добычей и переработкой природного сырья. Модернизация сырьевых отраслей, ТЭК, химической и металлургической промышленности способна дать стимул развитию смежных высокотехнологичных отраслей.

По мнению исследователей, передовые технологии не работают в отсталой технологической среде. Мировой опыт модернизации экономики свидетельствует, что отправной точкой в этих процессах служило ускоренное развитие, прежде всего, потребительского сектора экономики: легкой промышленности, транспортной инфраструктуры, жилищного строительства. Например, в Великобритании капитализм возник как *шерстяной*, в России — как *ситцевый*, и только в начале прошлого века наша страна совершила рывок от текстильных фабрик до передовых, по тем временам, металлургических и машиностроительных заводов [22]. В общем, «электронный капитализм не создать, минуя ситцевый» [27]. В современной России огромные резервы технологической модернизации имеются в жилищно-коммунальном хозяйстве, в системе государственного управления, в сельском хозяйстве.

Что касается консолидирующей идеи модернизации, то таковой может быть постановка задачи *рационального освоения, организации и использования пространственного потенциала России*, понимаемого как «совокупность всех территориально структурированных составляющих ее общего потенциала, включая человеческий, природный и территориальный потенциал» [11]. Такая постановка предполагает развитие, как перспективных высокотехнологичных отраслей экономики, так и традиционных секторов экономики, территориальной инфраструктуры, уменьшение социальной и пространственной дифференциации страны.

Недооценка в социально-экономической политике российского государства территориально-пространственной компоненты привела к тому, что

развитие территорий идет по предпочтению частных инвесторов; к чрезмерной концентрации экономической активности в одних регионах и недоиспользованию, а значит разрушению потенциала других; к общесистемным потерям трудовых, природных, физических и финансовых ресурсов; к обострению межрегиональных диспропорций сверх всякой меры.

Заметим, что на этот пункт обращают внимание и западные эксперты, отмечая, что «главной мишенью усилий государства по индустриальному развитию становится территория» [2].

Деграция многих территорий страны связана с упадком сельского хозяйства, что, в свою очередь, вызывает мультипликативную цепную реакцию в комплексе смежных с ним отраслей. По мнению автора, сельскохозяйственное производство может стать локомотивом экономического и социального роста страны. С аграрным сектором, так или иначе, связана значительная доля населения России (в 2010 г. 27% населения страны постоянно проживали в сельской местности). Сельское хозяйство России имеет бесспорные конкурентные преимущества на мировом рынке, обусловленные, в первую очередь, огромными земельными запасами страны. В России сегодня заброшено почти 40 млн га сельскохозяйственных земель, которые реально вернуть в оборот. *Нет худа без добра*, говорит русская пословица. Низкая интенсивность сельхозпроизводства в пореформенной России позволила сохранить реликтовость земель. За 1990–2010 гг. объем внесенных в почву минеральных удобрений уменьшился в стране в 4,8 раза (с 9900 тыс. до 2050 тыс. т) [7]. А значит, на российских землях имеется принципиальная возможность производства экологически чистой продукции. Сегодня отечественное продовольствие, полученное без использования агрохимикатов, является в значительной степени недооцененным.

Потенциал российского сельхозпроизводства можно связать и с климатическими изменениями на планете. По оценкам доктора геолого-минералогических наук В. Полеванова, от изменений климата Россия скорее выигрывает, поскольку большинство центральных и южных регионов России, в том числе в Сибири будут более пригодными для сельского хозяйства [10]. Но для реализации конкурентного потенциала отрасли требуются целевые государственные инвестиции в транспортную и коммуникационную инфраструктуру, социальную сферу на селе.

Меры по диверсификации экономики должны включать не только промышленную политику, но и задействовать инструменты финансового развития.

Академик С. Глазьев предвидит перспективу колонизации российской экономики иностранным капиталом в ситуации зарегистрированности минимум 80% прав собственности на российские активы в оффшорных зонах, где осуществляется примерно 80% операций, связанных с их оборотом [19]. Для нейтрализации внешних угроз национальной финансовой безопасности требуется возвращение этих прав под российскую юрисдикцию. В этой связи необходимым видится создание общероссийского депозитария прав собственности на национальные активы, с тре-

бованием перехода их держателей под российскую юрисдикцию.

Кроме того, необходимо пересмотреть законодательную базу, касающуюся отмены с лета 2006 г. каких-либо ограничений на перемещение финансового капитала. Среди мер, ограничивающих свободу вывода капитала из страны, следует ввести правило возмещения НДС экспортерам лишь после фактического поступления экспортной выручки в страну и его взимание при перечислении поставщикам — нерезидентам импортных авансов.

Препятствием для развития страны как единого целого является сложившаяся 20 лет назад система фискально-бюджетного федерализма. Сегодня каждый регион «завязан» на свой бюджет, и в каждом регионе существуют свои социальные гарантии, за соблюдение которых государство в целом не несет ответственности. В результате люди, живущие в разных регионах, получают за одни и те же виды деятельности доходы (прежде всего, заработную плату), различающиеся в разы; затрачивая одинаковые трудовые усилия, они имеют совершенно разное качество и условия жизни. Очевидно, что в таком огромном государстве как Россия, должны действовать особые механизмы, посредством которых уровень жизни граждан не был бы переменной, зависящей от того, в каком регионе страны они проживают. Ведь «если уровень жизни целиком является функцией развития территории, то в скором времени тенденция децентрализации может войти в конфликт с тенденцией федеральной централизации» [6].

К традиционным мероприятиям экономической политики государства, способствующим диверсификации экономики, относится использование налоговых инструментов для стимулирования развития несырьевых отраслей экономики. В этом направлении имеется немало резервов, поскольку сложившаяся в России налоговая система, нацеленная на сырьевые налоги, обеспечивающие половину доходов федерального бюджета, носит сугубо фискальный, социально несправедливый характер, не способствует экономически эффективному распределению рентных доходов между участниками процесса создания природной ренты и обществом в целом.

Так, налоги за недропользование (собственность на недра является исключительно федеральной) изымаются в федеральный бюджет, а потом частично возвращаются в бюджеты регионов в виде трансфертов, дотаций, субвенций. С. Кимельман подчеркивает, что такая система «отторгает регионы от участия в развитии минерально-сырьевого и промышленно-перерабатывающего секторов экономики». По его мнению, требуется интегрировать собственность на недра и не подрывать финансовую самодостаточность ресурсных субъектов федерации [14].

Следует учитывать и тот факт, что бремя экологических нагрузок, связанных с освоением недр земли, ложится именно на территории. Нередко воздействие компаний-недропользователей на состояние окружающей среды, в рамках обозримого временного периода, принимает необратимый характер. В этой связи целесообразно, чтобы контроль за выполнением природоох-

ранных требований осуществлялся преимущественно на уровне регионов, которые должны активно участвовать в регулировании процессов недропользования и напрямую получать часть рентного дохода.

Другой пример. В 2010–2011 финансовом году подоходный налог в США составил 8,4% ВВП страны, обеспечив 43,6% доходов федерального бюджета; в России — 3,6% ВВП, и целиком поступил в местные бюджеты. «Центр данного налога не получает, а значит, не заинтересован в росте благосостояния людей», подчеркивает В. Иноземцев [4].

С точки зрения автора, целесообразна определенная корректировка существующей налоговой системы РФ.

Во-первых, для России, с учетом ее экспортно-сырьевой ориентации, того факта, что страна больше производит продукции для внешнего рынка, нежели для внутреннего, целесообразно делать ставку на налог с продаж конечного товара, а не на НДС, который подлежит возврату экспортеру продукции. Так в федеральном бюджете на 2012 г. было запланировано получить в виде НДС 1,87 трлн руб., и почти 1 трлн руб. предполагалось к возврату производителям продукции, экспортируемой за рубеж. В принципе, возврат НДС призван стимулировать национальный экспорт и в этом смысле является важным инструментом, но Россия сегодня экспортирует не столько промышленные, сколько сырьевые продукты.

Во-вторых, следует повысить ставку налогов на незаработанные доходы (дивиденды, проценты). Состоятельные граждане получают свои доходы не столько в виде заработной платы, сколько в виде дивидендов на акции принадлежащих им компаний. Ситуация, когда дивиденды облагаются по ставке 9%, а заработная плата — 13%, является социально и экономически необоснованной. Для сравнения, в Китае дивидендный доход облагается 20% ставкой, в Австралии — 45%.

В подкрепление этого предложения сошлемся на оценки известных ученых. «Основная предпосылка для развития структурно сбалансированной экономики и создания конкурентной среды — законодательное исключение из доходов хозяйственных субъектов любых форм собственности, которые не являются результатом именно их трудовых усилий», утверждают Н. Петраков и Ю. Овсиенко [20]. Многие западные экономисты придерживаются схожей точки зрения. В частности, лауреат Нобелевской премии французский экономист М. Алле подчеркивает: «Отказаться от проведения различий среди источников доходов, значит выносить бесповоротный приговор экономике... Деньги должны зарабатывать трудом, а не доставаться путем получения дармовых доходов, независимо от того, проистекают ли они от сверхприбыли на земельную собственность, чистого процента на капитал, прибыли, связанной с инфляцией, или же политических махинаций и интриг» [20].

В-третьих. Перераспределение рентных доходов в пользу широких слоев населения «убивает трех зайцев»: позволяет смягчить имущественную дифференциацию в обществе; снижает заинтересованность экономико-политической элиты в извлечении ренты; укрепляет институты развития. В развитых странах

такое перераспределение происходит с помощью прогрессивной шкалы налогообложения. И хотя, по мнению отечественных исследователей, в странах со слабым государственным аппаратом богатые граждане имеют возможность избежать уплаты налогов и прогрессивное налогообложение «не работает» (поэтому перераспределение доходов принимают форму реализации государственных проектов на средства природной ренты, накопленной государством, бесплатного оказания государственных услуг в сферах образования и здравоохранения) [8], с моей точки зрения, в России целесообразно вернуться к прогрессивной системе подоходного налогообложения, как и отказаться от регрессивной системы уплаты страховых пенсионных и медицинских платежей.

Подкреплю свою позицию авторитетом лауреата Нобелевской премии П. Кругмана. Ученый провел исследование на тему, что способствовало переходу от общества масштабного неравенства, каким было американское общество в начале XX века, к обществу «победившего среднего класса», каким оно стало после второй мировой войны. Этот переход, делает вывод исследователь, стал результатом осознанного политического выбора: благодаря политике Ф. Д. Рузвельта был сформирован знаменитый средний класс Америки [16].

В основе Нового курса Рузвельта, помимо финансирования общественных работ, введения регулирования ставки процента и заработной платы во многих отраслях промышленности, практики социального страхования (пособия по безработице, по старости и т. п.), было кардинальное изменение системы налогообложения. В 1929 г. самая высокая налоговая ставка на доходы была 24% и применялась она только к крупным дивидендам. К середине 1950-х гг. максимальная налоговая ставка на доходы достигла 91%. Налог на прибыль корпораций увеличился с 14 до 45%, налог на крупные наследства — с 20 до 77%. В результате стало невыгодно содержать много недвижимости, уменьшился класс домашней прислуги, распространились благотворительные фонды. Доля национального богатства, принадлежавшего богатейшим американцам, которые составляли 0,1% населения, за четверть века снизилась с 21,5%, до менее чем 10%.

П. Кругман проанализировал и последствия политики Р. Рейгана и Бушей, когда республиканцы резко снизили налоговые ставки. В результате уровень неравенства в США в начале XXI века стал сопоставимым с тем, что наблюдался в конце XIX века: 1% наиболее состоятельных американцев контролируют 42% национального богатства, получают 26% ежегодных доходов и имеют в собственности 70% биржевых ценных бумаг. В 1896 г. эти показатели составляли 41, 32 и 84% соответственно [16].

В-четвертых, следует перенести акцент с косвенных налогов (экспортно-импортных пошлин, акцизов и т. п.), «спрятанных» в ценах товаров и услуг, являющихся регрессивными по своей экономической сути и, следовательно, усугубляющих имущественную дифференциацию в обществе, на прямые налоги, прежде всего, налоги на прибыль корпораций.

Приведу аргументы в пользу этого предложения.

Согласно mainstream экономической теории, система относительных цен обеспечивает аллокацию ресурсов в экономике. «Теория заработной платы, теория процента и теория ренты (в той степени как они разработаны), в сущности, являются приложениями к теории цен, пытающимися учесть различия сил рынка при различных общественных институтах», писал Дж. Ф. Уэстон [26]. Важнейшим элементом, инструментом и регулятором рентных отношений является цена продукции. Именно цена предопределяет величину (массу) и норму ренты. Государство, влияя на ценообразование, может корректировать рентные отношения, например, в сторону их большей или меньшей справедливости.

Специалисты обращают внимание, что страны, богатые ресурсами, часто занижают цены на топливо по сравнению с общим уровнем внутренних цен, что является важным инструментом промышленной политики низкой степени селективности, фактически — эквивалентом дотирования своего внутреннего производства. И хотя целесообразность такой политики не очевидна, поскольку, теоретически, «занижение цен на углеводороды должно приводить к неэкономному их расходованию и, следовательно, к снижению энергоэффективности производства» [23], все же специалисты отмечают ее, как канал положительного влияния ресурсного богатства страны на экономический рост. В. Иноземцев вообще считает фундаментальной ошибкой представление, будто повышение цены ресурсов приведет к повышению эффективности. «Это очень неправильно. И на практике видно сейчас, что рост цен не приводит к росту эффективности экономики. Можно винить монополизм или коррупцию, но так или иначе... следствием стали, с одной стороны, формирование очень мощной олигархии, образовавшейся вокруг сырьевого сектора и не желающей сдавать свои позиции, а с другой — угнетение всех обрабатывающих производств, которые могли бы работать на этом сырье», пишет исследователь [12].

Более того, «почти все... нефтедобывающие страны... снижают цену на нефтепродукты, передавая часть ренты всему обществу», замечает С. Кимельман, добываясь, тем самым, снижения имущественной дифференциации [15].

В России же, наоборот, большая часть горной ренты изымается у общества через установление и перманентное повышение цен на минеральное сырье и продукты его передела. В частности, «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г.» предусматривается рост тарифов на газ и электричество примерно в 1,5 раза, причем «основной удар» по отечественной промышленности намечен на первую половину десятилетия (за 2011–2015 гг. цена на газ должна возрасти на 50–60%, на электроэнергию — на 35–45%). На словах, такое повышение мотивируется целью снизить энергоемкость экономики. Но на деле оно еще больше понизит ценовую конкурентоспособность российской обрабатывающей промышленности, ограничит перспективы диверсификации российского экспорта. Кроме того, увеличение цен и тарифов инфраструктурных монополий, как и акцизных платежей, приводит

к изъятию ренты не у олигархов, а у населения. Приверженность подобной политике подрывает социальную ориентацию рентного государства и сужает его социальную базу.

Другим важным контекстом предложения по смещению акцентов с косвенного налогообложения на прямые налоги, послужило замечание В. Иноземцева. Ученый считает, что существует связь между низкой требовательностью россиян по отношению к государству и тем фактом, что российские граждане не ощущают своего реального налогового бремени в полной мере, хотя платят большие налоги [4]. А не ощущают они его именно потому, что большую часть налогов в России составляют налоги, «скрытые» в товарных ценах.

В последние годы в правительстве РФ несколько раз поднимался (правда, безуспешно) вопрос об увеличении рентных налогов. Исследователи рассчитали налоговую нагрузку на недропользование на национальном и региональном уровне для разных видов полезных ископаемых. Расчеты показали, что в первую декаду нынешнего века в доход государства изымалось, в зависимости от вида полезных ископаемых, от 5 до 60% горной и ценовой ренты. Наибольшая доля рентных доходов изымалась из нефтедобывающей отрасли — 30–60% от величины создаваемой там ренты. Объем ренты из газодобывающей отрасли, поступающий в доход государства, составлял 10–15%, а по другим полезным ископаемым (каменный уголь, руды черных, цветных и редких металлов, драгоценные камни и т. д.) рентные налоги составляли не более 10% рентных доходов. Экспортная ценовая рента вообще изымается лишь у нефтяников и газовиков [3].

Очевидно, что неналоговая часть ренты, которая по своим размерам значительно больше налоговой, концентрируется на оффшорных счетах компаний и их владельцев. Кроме того, тот факт, что у недропользователей остается значительная доля экспортной ценовой ренты, служит стимулом наращивания ими сырьевого экспорта и еще одним подтверждением декларативного характера разговоров властей о необходимости преодоления рентно-сырьевой зависимости российской экономики.

С точки зрения автора, успех неоиндустриальной модернизации невозможен без высокоэффективного регулирования экономики в целом и рентно-сырьевого комплекса в частности. Многие эксперты, однако, не верят в способность государства эффективно распорядиться сырьевым доходом и видят альтернативу государственному управлению минеральным богатством в приватизации. Например, на основании того факта, что в целом эффективность частных предприятий выше, чем государственных, Р. Арэнд связывает недостаточный рост в ресурсно-зависимых экономиках с наличием во многих их отраслях государственной собственности. «Опыт развития нефтяного сектора продемонстрировал, что при наличии многочисленных частных добывающих компаний и сравнительно свободного доступа к экспортной инфраструктуре возможен существенный рост производства», пишет экономист. Повышение же влияния государства в экспортно-сырьевых отраслях приводит, по его мне-

нию, к снижению темпов роста и усилению рентоориентированного поведения [1].

Но, во-первых, экспортно-сырьевые отрасли отличаются от многих отраслей экономики долгим положительным эффектом масштаба. О компаниях, работающих в ТЭК, обычно говорят, используя термин *инфраструктурная монополия*. В России в таких отраслях, как электроэнергетика, газовая, нефтяная промышленность несколько крупных компаний контролируют практически все производство.

А во-вторых, сформировавшаяся в России социально-экономическая система отличается крайне низкой эффективностью, как государственных институтов регулирования, так и рыночных механизмов (при слабых институтах гражданского общества). В России сложилась парадоксальная ситуация: роль государства в экономике, в сравнении с развитыми странами, незначительна, а вот влияние бюрократии гипертрофировано, причем государственные рычаги чиновниками используются для достижения собственных целей [24]. В результате страна попала в «двойную ловушку», когда из года в год расширенно воспроизводятся и *фиаско* государства, и *провалы* рынка.

Выход из сложившейся ситуации нами видится все же не в самоустранении государства из экономики. Тем более что, с чиновника все-таки можно «спросить». Если же государство просто уходит из какого-то сегмента рынка, предварительно не обеспечив его «защитой от монополизации другими социальными силами...», то эта монополизация неотвратимо наступает, причем силы, о которых идет речь, уже... неподвластны механизмам демократического контроля, и апеллировать к ним по мотивам прав и свобод человека абсолютно бессмысленно» [5]. В России частный капитал руководствуется узкофирменными сиюминутными интересами.

В подтверждение этого тезиса сошлюсь на яркий пример. В 2007 г. ГК «Норильский никель» продал на долгосрочной основе весь объем добываемого и производимого им кобальта американской OM Group, тем самым, обеспечив последней контроль над мировым производством кобальта и возможность тут же повысить цену на кобальт в три раза. Россия же практически лишилась ценного стратегического сырья, требуемого для оборонной промышленности, и вынуждена его импортировать, притом, что в стране добывается около 10% мирового объема добычи кобальта [15].

В сырьевых экономиках государственное регулирование играет особую роль, и соотношение государственного и рыночного регулирования экономики обычно складывается в пользу государства. Проблемой, повторюсь, является отсутствие эффективного и некоррупцированного государственного аппарата. Значит, эту проблему и надо решать в первую очередь. Можно связать преодоление коррупции в системе государственной власти и управления с политической конкуренцией, со способностью оппозиции заставить систему расследовать нелицеприятные факты на любом уровне, что называется «не взирая на лица».

В. Дементьев связывает становление эффективной социально-экономической системы в России с трансформацией мотивационного механизма поведения

субъектов в экономике и государстве. Эта трансформация (от рентоориентированного поведения к продуктивному) может носить естественно-эволюционный характер, отмечает ученый. Например, быть результатом истощенности рентных ресурсов и, следовательно, источников рентного дохода (хотя, как говорит русская поговорка, *свинья грязи найдет*), или изменения цен, или постепенного отбора более эффективных форм хозяйствования [9]. Заметим (в скобках), что насчет эволюционного характера изменений в свое время хорошо сказал классик: «Жаль только, жить в это время прекрасное, уж не придется ни мне, ни тебе».

С другой стороны, как утверждают психологи, человек может меняться, а вместе с ним меняются его интересы и убеждения, которые являются основой жизненного выбора и поведения [18]. Следовательно, изменения мотивационного механизма и поведения субъектов могут явиться результатом целенаправленной политики государства, которая «должна быть направлена не против злоупотреблений существующих властных структур, а непосредственно против возникновения таковых вообще» [21].

Среди исследователей существует мнение, что в современном мире идея ценностей устарела, что «ценности сами по себе едва ли на что-то серьезно влияют». Так, подчеркивает В. Иноземцев, «Европейский Союз — не столько территория абстрактных ценностей или прав человека, сколько конкретных правовых норм, которые строго соблюдаются». Проблема же России в том, что российское общество не приучено соблюдать *нормы* [12].

Автор все же полагает, что там, где речь идет о понимании и толковании человека и его целей в контексте трудового поведения, социального взаимодействия, непременно присутствует ценностное начало. Ведь институт, как система, включает в себя три основных элемента: формальные правила (нормы), организации, представления. Например, поведение на дорогах зависит от правил дорожного движения (их содержания), от действий организаций, обеспечивающих разработку и соблюдение этих правил (действий сотрудников ГИБДД), от представлений участников дорожного движения о том, как будут вести себя другие субъекты на дорогах. Практика показывает, что зачастую представления играют более важную роль, чем правила: *представления обеспечивают мотивацию следовать тем или иным правилам*. Именно под влиянием господствующих в обществе ценностных представлений, в том числе представлений об общих смыслах и целях жизни, задаются ориентиры и формируются нормы ведения бизнеса, нормы трудового поведения. С другой стороны, стимулы и представления, влияющие на поведение человека в сфере хозяйственной деятельности, выполняют не только экономическую функцию (влияют на производительность труда, качество продукции, эффективность производства), но и этическую.

Современный политолог М. Урнов, переосмысливая взгляды Ш. Монтескье, А. Токвиля, К. Левина на особую роль направленного формирования ценностей и стереотипов поведения, выдвигает задачу культурного «перепрограммирования» российского общества [25]. Результатом «перепрограммирова-

ния» и направленного формирования личностных ценностей, по замыслу ученого, должно стать «отбрасывание» установок, которые делают поведение человека социально-непродуктивным, и приобретение тех убеждений и мотивов, которые обеспечивают совпадение индивидуальной функции полезности с общесистемной функцией благосостояния, приведение в соответствие институционального и личностного поведения субъектов.

Очевидно, что образцом для такого перепрограммирования может служить модель *Homo democraticus*, характерными чертами которого являются: осознание ответственности за свою судьбу и готовность брать на себя эту ответственность; активная «включенность» в жизнь социума и способность критически оценивать происходящие в нем процессы; благожелательное и позитивное восприятие своего окружения (как ближнего, так и дальнего), и готовность выстраивать с ним партнерские отношения.

Успешность подобного перепрограммирования зависит, в первую очередь, от способности агентов властно-политических структур устоять перед искушением и отказаться от своей доли в рентных доходах, противостоять сопротивлению и давлению частных коалиций и групп влияния. Речь, в принципе, идет всего лишь о надлежащем выполнении государством своей *бенчмаркинговой* или *эталонобразующей функции*, т. е. выработке эталонов, образцов, примеров для подражания для всех экономических агентов, формировании иных нравственных стимулов.

Список использованных источников

1. Р. Арэнд. Как поддержать экономический рост в ресурсно-зависимой экономике? // Вопросы экономики, № 7, 2006.
2. Ж.-П. Бланиньер. Реиндустриализация России: насколько пригоден европейский опыт? // Экономист, № 5, 2005.
3. Богатство недр России. Минерально-сырьевой и стоимостный анализ / Науч. ред.: Б. К. Михайлов, О. В. Петров, С. А. Кимельман. СПб: Изд-во ВСЕГЕИ, 2008.
4. Богатые не платят! // Аргументы и факты, № 48, 2011.
5. Ю. Болдырев. Коррупция — системное свойство постсоветского российского капитализма // Российский экономический журнал, № 3, 2011.
6. С. Глазьев. К вопросу о размещении производительных сил // Экономист, № 9, 2011.
7. А. Голубев. Парадоксы развития аграрной экономики России // Вопросы экономики, № 1, 2012.
8. С. Гуриев, А. Плеханов, К. Сонин. Экономический механизм сырьевой модели развития // Вопросы экономики, № 3, 2010.
9. В. Дементьев. Система власти и рентное поведение в переходной экономике. <http://www.sustainable-cities-net.org.ua/publicationshow.php?id=186>.
10. Европа станет... Сибирью // Аргументы и факты, № 26, 2012.
11. Л. Иванова. К вопросу о стратегии неиндустриальной модернизации // Экономист, № 2, 2012.
12. В. Иноземцев. Будущее России в новой индустриализации // Экономист, № 11, 2010.
13. С. Кимельман. Горная и ценовая рента в современной российской экономике // Вопросы экономики, № 7, 2010.
14. С. Кимельман. Интегрированная ресурсно-перерабатывающая модель // Экономист, № 1, 2012.
15. С. Кимельман. Неиндустриализация препятствует государственно-рантье // Экономист, № 8, 2011.
16. П. Кругман. Кредо либерала. М.: Европа, 2009.
17. В. Крюков. Анализ развития системы недропользования в России (о необходимости ужесточения институциональных условий) // Вопросы экономики, № 1, 2006.

18. Д. Макклелланд. Мотивация человека. СПб.: Питер, 2007.
19. Об альтернативной системе мер государственной политики модернизации и развития отечественной экономики // Российский экономический журнал, № 4, 2011.
20. Ю. Овсиенко, Н. Петраков. Российская трансформация и ее результаты // Вопросы экономики, № 5, 2004.
21. В. Ойкен. Основы национальной экономики. М.: Экономика, 1996.
22. Н. Петраков. К вопросу о модернизации экономики // Экономист, № 12, 2010.
23. В. Полтерович, В. Попов, А. Тонис. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики, № 6, 2007.
24. Н. Работяжев. «Лучшие мира сего»: кто и почему правит страной? // Мировая экономика и международные отношения, № 11, 2008.
25. М. Урнов. Роль культуры в демократическом транзите // Общественные науки и современность, № 6, 2011.
26. Дж. Ф. Уэстон. Концепция и теория прибыли: новый взгляд на проблему / Под ред. В. М. Гальперина // Вехи экономической мысли. Т. 3. Рынки факторов производства. СПб.: Экономическая школа, 2000.
27. Н. Шмелев, В. Федоров. Угрозы и прогнозы (к вопросу об их адекватности). М.: ИЕ, 2007.

Problems of transformation of rental-resources model of russian economy

L. N. Danilenko, Candidate of Economics Science, Associate Professor of the Chair «The Finance and the Credit», Pskov State University.

The article approaches evaluated and justified proposals for modernization of rent-resource-based economy in Russia. The author believes that special attention should be paid to the rational development of system-territorial space of the country on the basis of neoindustrialization linking advanced technology with the traditional sectors of the economy. Basis for modernization should be primary sector of the economy that needs correction of the tax system in the direction of the reorientation of financial flows from offshore to the development of the domestic industry, the development of agriculture and the social sphere, the condition — minimizing opportunities of rent-seeking behavior of economic and political actors.

Keywords: modernization, de-industrialization, rent-resource-based economy, integration, region, diversification, rental income, taxes.

Эксперты MIT признали ТУСУР ведущим предпринимательским университетом России

Массачусетский технологический институт (MIT) и Сколковский институт науки и технологий (Skoltech) провели международное сравнительное исследование экосистем технологических инноваций, созданных университетами.

По итогам исследования ТУСУР вошел в число девяти университетов мира, создавших экосистему инноваций в неблагоприятных для инноваций условиях, наряду с университетом Технион (Израиль), София Антиполис (Франция), университетом Окленда (Новая Зеландия), университетом Аальто (Финляндия), Имперским колледжем Лондона (Великобритания), Корейским передовым институтом науки и технологий (Корея), университетом Цинхуа (Китай), Мичиганским университетом (США). Для выбора девяти ведущих университетов по данному направлению эксперты оценили 131 университет в 35 странах мира.

«Это международное признание правильно выбранного 15 лет назад пути построения предпринимательского университета в России. Созданный учебно-научно-инновационный комплекс ТУСУРа, в который входят более 120 технологических компаний, основанных его выпускниками, является ведущей экосистемой инноваций в России», — заявил проректор ТУСУР Александр Уваров.

В ходе исследования эксперты учитывали ряд факторов, один из которых — «Региональная или государственная поддержка». Именно по этому критерию ТУСУР выделен из ряда других университетов. По оценкам экспертов, ТУСУР смог создать вокруг себя уникальную экосистему, способствующую развитию университета и вносящую существенный вклад в экономическое развитие региона, благодаря правильному выбору стратегии, последовательному позиционированию и выстраиванию взаимодействия с региональной властью.

«ТУСУРу удалось создать инновационную экосистему не в одиночку, а благодаря существующей открытости между университетом и другими участниками инновационной экосистемы — технологическими компаниями. Именно благодаря такому взаимодополняющему сотрудничеству не только вуз, но и сам Томск стал открытым и привлекательным городом, где «предприниматели хотели бы реализовывать свои идеи», — отмечается в отчете исследователей.

Напомним, что в 2011 г. ТУСУР наряду с Фондом Сколково выступил инициатором создания Ассоциации предпринимательских университетов России и стал ее активным участником.

Для справки

В рамках сравнительного исследования экосистем технологических инноваций, созданных университетами (Technology Innovation Ecosystem Benchmarking Study: Key findings from Phase 1) группа из 61 международного эксперта из 20 стран мира сравнивала инновационные экосистемы, созданные университетами, по трем направлениям: наиболее признанные экосистемы инноваций, основанные университетами; наиболее признанные экосистемы инноваций, основанные университетами в неблагоприятных для инноваций условиях; наиболее эффективные экосистемы инноваций, основанные университетами, и показатели их эффективности.

Среди основных вызовов, стоящих на пути развития инновационных экосистем в неблагоприятных условиях, эксперты отмечали следующие: культура, не предусматривающая поддержку предпринимательского поведения и взятия на себя рисков; географическая изоляция и ограниченность местных рынков; недостаток венчурного инвестирования и мультинациональных компаний в регионе; отсутствие ведущих исследовательских университетов в местной экосистеме.